

И. В. Кометчиков**Региональная власть и деревня Центрального Нечерноземья
в хлебозаготовительных кампаниях 1945—1953 гг.**

Статья посвящена взаимоотношениям провинциальной власти и деревни Центрального Нечерноземья в ходе хлебозаготовительных кампаний 1945—1953 гг. На основе материалов статистики, делопроизводства, писем сельских жителей во власть из федеральных и региональных архивов исследованы способы проведения, динамика, итоги хлебозаготовок, а также противостоящая им система приспособительного поведения деревни, направленная на получение хотя бы некоторой части урожая. Сделан вывод о противоречивом результате хлебозаготовительных кампаний. С одной стороны, они позволили государству собрать в закрома более 13,6 млн. т хлеба, а с другой — приводили к расточительной трате человеческих, управленческих и материальных ресурсов, заставляли деревню совершенствоваться направленное на выживание приспособительное поведение, разрушали мотивацию к труду на земле.

Ключевые слова: хлебозаготовки, крестьянские повинности, колхозная деревня, стратегии выживания крестьянства, Центральное Нечерноземье, чрезвычайные методы руководства.

Хлеб занимал первое место среди продовольственных ресурсов деревни, которые стремилось контролировать государство. Пик усилий власти по обладанию им в послевоенные годы приходился на хлебозаготовительную кампанию — главное «хозяйственно-политическое» мероприятие власти в аграрных регионах. Для деревни это время становилось полной драматизма попыткой сохранить хотя бы часть урожая. Исследователями подробно проанализированы основные принципы хлебозаготовительной политики послевоенных лет: погектарный принцип исчисления обязательных поставок, видовая оценка урожайности без учета потерь при уборке и транспортировке, заготовительные цены, не возмещавшие себестоимости зерна, разветвленная система натуральных налогов, включавшая натуральную оплату за работы МТС, гарнцевый сбор и т.д., запрет продажи хлебопродуктов на колхозном рынке до выполнения плана хлебозаготовок и др. Все они были нацелены на максимально полный и быстрый учет и изъятие выращенного деревней хлеба [2—4; 41; 49; 50], что особенно ярко проявилось в засушливом и голодном 1946 г.

Хлебозаготовкам 1946—1947 гг. посвящена обширная литература. Один из наиболее дискутируемых вопросов — о причинах голода. Одни авторы полагают, что ими были прежде всего тяжелые для села последствия войны, разруха, падение уровня агрикультуры, недостаток рабочих рук, сельскохозяйственной техники и удобрений [5; 42]. Другие наряду с этим также особо выделяют жесткую заготовительную политику, проводимую методами продразверстки. Меры по изъятию большого количества столь необходимого деревне хлеба на фоне объективных трудностей, а также поставки советского зерна за рубеж вызвали, по их мнению, «рукотворный» голод во многих районах страны [41, с. 64, 128, 149—150; 49, с. 72—91, 106—107]. Сельское население ответило саботажем хлебозаготовок, кражами зерна и т.д. На общесоюзном и региональном уровне исследуются социальные последствия голода — повышение заболеваемости и смертности сельского населения [46; 52; 86], длительное сохранение низкого уровня жизни, бегство из деревни [44; 74, с. 198—251] и др. Меньше внимания уделяется хлебозаготовительной политике власти конца 1940-х — начала 1950-х гг., особенно механизму ее осуществления в регионах. При этом исследователей прежде всего интересует социально-экономическая сторона проблемы: масштабы и последствия неэквивалентности обмена с деревней, динамика

© Кометчиков И. В., 2018

роста недоимок зерна государству, особенности трудовой мотивации и механизма выживания колхозников и т. д. [1, с. 147—151; 4, с. 61—69, 74—79, 184—191; 44, с. 224—225; 45; 48; 87]. В большинстве исследований подчеркивается проведение региональной властью хлебозаготовок «железной рукой» и получение в целом нужного результата.

Но так ли четко и безотказно действовала система хлебозаготовок на уровне региона, особенно ее политический инструмент — механизм мобилизации региональной и местной власти? Насколько хлебозаготовки были действенным способом наполнения государственных закромов и что противопоставляла им деревня, чтобы не остаться без хлеба, как последнее влияло на общую эффективность хлебозаготовительных кампаний, в которых сталкивались интересы власти и общества? Ответы на эти вопросы можно найти в стенограммах пленумов и партийных активов, посвященных хлебозаготовкам, в делопроизводстве органов внутренних дел, суда и прокуратуры, в статистике Министерства заготовок СССР и его региональных структур, в многочисленных письмах населения, запечатлевших механизм хлебозаготовок в регионах Центрального Нечерноземья в 1945—1953 гг., восприятие хлебозаготовительных кампаний региональными и местными руководителями, отношение деревни к хлебозаготовительной политике и заготовителям.

Какими административными ресурсами располагала власть для проведения хлебозаготовок? С формальной точки зрения, заниматься ими в первую очередь должны были структуры по определению урожайности, отделы сельского хозяйства, а главное — чиновники Министерства заготовок СССР. Однако еще в довоенные годы стало понятно, что одному только заготовительному аппарату обеспечить хлебозаготовки не под силу.

На помощь заготовителям привлекались чиновники большинства представленных в глубинке ведомств, а кампания по уборке и заготовке зерна принимала характер тотальной сезонной мобилизации областного и районного аппаратов и партийно-советского актива. Ее центром становились партийные комитеты областного и районного уровней, ответственные перед Москвой за «дачу плана». На период хлебозаготовок партийно-советский актив переподчинялся мобилизовавшему их райкому или обкому ВКП(б). В областях Центрального Нечерноземья РСФСР хлебозаготовительная кампания начиналась в июле и растягивалась до июня следующего сельскохозяйственного года. Наиболее интенсивно поступление хлеба государству происходило в октябре — первой половине декабря [63, л. 27 об., 28, 30 об., 31, 36 об., 37, 40 об., 41, 41 об., 42, 45 об., 46, 56 об., 57, 60 об., 61, 65 об., 66, 77 об., 78, 87 об., 88].

В течение всего этого периода работа учреждений, откуда мобилизовывались уполномоченные, оказывалась фактически парализованной. Это касалось даже низовых структур таких ведомств, как НКГБ — МГБ, МВД, Министерство обороны. Архивы изобилуют примерами переписки руководителей их региональных звеньев с райкомами и обкомами ВКП(б) по поводу избавления личного состава от выполнения обязанностей уполномоченных [30, л. 34; 31, л. 28; 67, л. 31, 32, 125, 126 об., 127; 72, л. 6; 73, л. 182, 182 об.]. С представителями же прочих ведомств первые секретари райкомов и обкомов ВКП(б) вообще не церемонились. В пик хлебозаготовок бюро райкомов ВКП(б) заседали днями напролет, объявляя выговоры, исключая из партии и снимая с работы. Особенно много низовых руководителей и председателей колхозов были сняты со своих должностей за невыполнение хлебозаготовок в первые послевоенные годы. В значительных масштабах эта практика продолжалась и позднее. Так, в ходе кампании по укрупнению колхозов 1950 г. общие собрания, нередко под нажимом районных и областных чиновников, утвердили замену в областях Центрального Нечерноземья каждого третьего-пятого председателя (подсчитано по: [58, л. 7, 58, 79, 86, 139, 297, 324]). По итогам 1953 г. было заменено 26,2% председателей [55, л. 73—75]. Смещались в первую очередь «несговор-

чивые» руководители, не выполнявшие беспрекословно указаний райкомовского и обкомовского начальства.

В то же время партийное руководство часто предпочитало не замечать, как уполномоченные устраивали в колхозах свой быт: занимались самоснабжением, требуя от председателей колхозов кров, стол, развлечения и множество других услуг в обмен на свою лояльность. Из Краснохолмского района Калининской области анонимный автор сообщил в ЦК ВКП(б) осенью 1945 г.: «Все руководство в районе построено на голом администрировании, на окрике, на команде. С колхозниками почти не говорят, им только приказывают. Колхозники привыкли видеть в разного рода уполномоченных только вышибал, которые высылаются только затем, чтобы “вышибить” заготовки, вышибить налоги и т.д. <...> Сельсоветы, получая директиву, ее не проводят, ожидая уполномоченных, а здесь, в городе, срывают людей с работы и гонят в деревню, где они живут месяцами. Председатели сельсоветов, надеясь на уполномоченных, от безделья устраивают гулянки, пьянствуют с председателями колхозов, а здесь, в районе, смотрят на все это как на невинное занятие. Да и сами уполномоченные не прочь иногда погулять и выпить с председателями колхозов...» [70, л. 179].

В письме Н. С. Хрущеву и Г. М. Маленкову анонимные авторы сообщали осенью 1953 г. о манере работы уполномоченным секретаря горкома КПСС Тулы Хирина: «Стиль работы этого руководителя — окрик, угрозы, мат. Рассказывают секретари райкомов и другие работники районов Чернского, Липецкого, Плавского, Сафоновского и других, где шефствовал Хирин в период работы секретарем обкома, что его форма беседы с председателями колхозов, куда он обычно наезжал на 5—10 минут, состояла примерно из следующего монолога: “Ты почему, сволочь, (мат) ... не сдаешь хлеб (или не сеешь, в зависимости от времени года), я тебя, подлеца, (мат) ... сейчас посажу в машину и прямо отправлю в тюрьму, если ты, гадина, (мат) ... не рассчитаешься (или не посеешь, или не убережешь и т. д.), то я тебя сгною в тюрьме”. На этом Хирин считал свою миссию законченной, садился в машину и ехал в следующий колхоз, и так до вечера, а вечером обычно усиленная доза водки...» [53, л. 152].

В начале 1950-х гг. кампанейщина, мобилизации партийно-советского актива были все так же распространены. В начале 1953 г. на эту практику в управлении деревней обращали внимание авторы анонимного письма Г. М. Маленкову, сообщая, как первый секретарь Боровского РК КПСС Калужской области во время посевной или уборочной кампании посылал «сотни уполномоченных как бы на штурм», что «принижало инициативу и роль парторганизаций» [16, л. 50]. Осенью 1953 г. заведующий Тульским облторг-отделом восклицал на пленуме Тульского обкома КПСС: «Со стороны облисполкома после XIX съезда партии негодная практика руководства сельским хозяйством осталась без изменений, метод штурма процветает. В период сельскохозяйственных работ в облисполкоме по неделям не бывает почти никого, пока т. Барчуков [председатель исполкома Тульского облсовета. — *Авт.*] со своими заместителями штурмует районы, Облисполком как орган, руководящий сельским хозяйством, перестает функционировать...» [85, л. 90]. Секретарь Пречистенского райкома на пленуме Ярославского обкома КПСС в октябре 1953 г. признал, что, поскольку на должностях председателей колхозов, секретарей первичных парторганизаций в районе находятся «сплошь и рядом» «неспособные руководители», райком вынужден прибегать к посылке уполномоченных, хотя это и «срывает» работу председателей колхозов: «И нужно прямо сказать: мы сейчас от этого еще не можем отказаться, так как не отказывается от этого и обком партии, часто посылая нам уполномоченных...» [75, л. 218]. Так руководил колхозами в начале 1950-х гг. и Брянский обком КПСС [51, с. 55].

Отношение же самих уполномоченных к участию в хлебозаготовительных кампаниях было сложным. С одной стороны, партийная дисциплина, страх наказания за уклонение от выполнения партпоручения заставляли многих из них месяцами жить в глубинке, обшаривать колхозные закрома, изымать хлеб, ругаться с председателями и колхозниками, отдавать их под суд. Бывало, что уполномоченные в сопровождении местных активистов выгоняли колхозников на уборку и сдачу хлеба государству угрозами, забирали у них сено, дрова, приводили в здание райкома партии и составляли на них протокол [76, л. 95; 81, л. 71]. С другой стороны, многие чиновники, зная, как и чем им придется заниматься в деревне, каковы колхозные реалии, пытались саботировать выполнение поручений, связанных с участием в «хозяйственно-политических» кампаниях.

На пленуме Тульского обкома ВКП(б) 15 октября 1945 г. звучали призывы расправиться с теми, кто задерживает ход хлебозаготовок: «Если уж взялись за одного сукина сына, то нужно будет дело довести до конца. А то уговаривают, прикрикнут немного, а Васька слушает, да ест...» [76, л. 97]. Уполномоченный Министерства заготовок СССР по Калужской области Ф. Пушкин заявил на пленуме обкома партии в сентябре 1946 г., что в сложившихся условиях хлеб «сам не пойдет, его надо настойчиво брать, применяя все формы работы». Ему вторил и председатель Калужского облисполкома П. Шурыгин [12, л. 71, 136]. Председатель Тульского облисполкома К. Субботин говорил на пленуме обкома ВКП(б) 6 сентября 1948 г.: «Первое время, пока снимали сливки, пока шел хлеб без особого нажима, считали, что дело идет в порядке и что оно пойдет так до конца. Но бывает всему предел, кончились передовые колхозы, и начинается другая работа, когда надо хлеб вышибать, брать его...» [82, л. 86].

Бывали и примеры прямого отказа «вышибать хлеб». Так, первый секретарь Тульского райкома ВКП(б), получивший на уборочную кампанию 1945 г. завышенное задание по сдаче хлеба, обратился к уполномоченному обкома ВКП(б) с заявлением о сложении полномочий: «Пусть меня расстреляют, я подыскиваю другое место...». По словам присутствовавшего на пленуме Тульского обкома ВКП(б) заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) М. Шамберга, в областной парторганизации был «развал дисциплины»: из 500 представителей актива Тулы, мобилизованных в сентябре, прибыло в районы 320 чел., в октябре из 520 чел. — 349 чел. Большинство непоехавших объявили «дезертирами» [77, л. 93, 94].

Главной заботой уполномоченного был непрерывный контроль движения хлеба с поля в государственный закрома и устранение преград на его пути. Для этого они наделялись правом через голову председателя колхоза, сельсовета, секретаря первичной парторганизации руководить уборкой и отправкой хлеба, если потребуется, смещая их, забирая для выполнения плана семенное зерно, а также ту часть урожая, которую в колхозе официально или неформально предназначили к выдаче на трудодни.

Нередко руководство области или района прибегало и вовсе к экстраординарным мерам. Так, руководство Калужского обкома ВКП(б) и облисполкома в 1948 г. направило на помощь Детчинскому РК ВКП(б) в качестве уполномоченных около 20 оперативных работников Управления охраны МГБ на железнодорожном транспорте в форме и с оружием, которые «помогали убрать урожай, обмолачивать хлеб» сверх плана. Наблюдавшее все это население сообщало в своих письмах ЦК ВКП(б), что такие уполномоченные вызваны «для устрашения руководства колхозов и колхозников», но «заготовка все равно идет плохо» [13, л. 23, 27].

Уполномоченные дополняли аппарат органов милиции и прокуратуры, на который в основном возлагалась борьба с нарушениями законодательства об уборке урожая. Многостраничные отчеты этих структур, адресованные руководству обкомов ВКП(б), свиде-

тельствуют, что на период хлебозаготовок в деревне фактически устанавливалось чрезвычайное положение.

Особая роль в обеспечении выполнения хлебозаготовок и борьбе с хищениями хлеба отводилась органам внутренних дел. Хлебозаготовительная кампания начиналась с разработки пространного плана мобилизации сил региональной милиции для «обеспечения сохранности хлеба от расхищения, разбазаривания и порчи». Так, 16 июня 1949 г. начальник УМВД Смоленской области комиссар милиции 2 ранга Н. Бирюков направил на периферию указание, разъясняющее действия милиции на хлебозаготовках, необходимость ее тесного контакта с райкомами ВКП(б) и райисполкомами, а также перечисление типичных способов хищений и разбазаривания зерна. Указание, в частности, предусматривало милицейское «обслуживание» всех руководителей, кладовщиков, сторожей и возчиков складов, хлебоприемных пунктов, кладовщиков колхозов и совхозов, проверку и замену «не внушающих доверия» через партийные и советские органы, контроль всех транспортных организаций и пунктов складирования зерна, их весового хозяйства, ревизию оборота хлебоприемных квитанций и других документов строгой отчетности, борьбу с саботажем хлебозаготовок и выдачей хлеба на трудодни при невыполнении плана его сдачи государству, широкое разъяснение на селе указа Президиума ВС СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и другие меры [27, л. 297—299]. Дважды в месяц в период хлебозаготовок периферийные органы милиции информировали вышестоящее руководство (а оно — руководство обкома ВКП(б) и облисполкома) о результатах борьбы с хищениями зерна, а также особо — о наиболее крупных хищениях.

Чтобы исключить утеkanie хлеба, райкомы ВКП(б) стремились поставить своих контролеров во всех пунктах, через которые пролегал его путь в государственный загром. На период кампании в деревне появлялись, кроме уполномоченных РК ВКП(б) и райисполкома в сельсоветах и колхозах, «политорганизаторы РК ВКП(б) на молотилках МТС», «политорганизаторы тракторных бригад», «политорганизаторы на комбайне» [9, л. 34—35; 10, л. 81] и т. п.

Насколько эффективными были хлебозаготовительные кампании в областях Центрального Нечерноземья с точки зрения получения требуемого количества зерна? Анализ отчетности о выполнении планов хлебозаготовок Министерства заготовок СССР показывает, что в условиях послевоенной разрухи, неурожая и голода 1946—1947 гг., нехватки рабочих рук и техники власть смогла получить значительную часть запланированного хлеба — более 13,6 млн. т, хотя многие регионы полностью с государством так и не рассчитались. Большинство областей Центрального Нечерноземья смогло выполнить и перевыполнить планы лишь в 1947—1949, 1951—1952 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Выполнение плана хлебозаготовок в областях Центрального Нечерноземья 1945—1953 гг., %

Область	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Брянская	92,6	85,2	96,6	101,1	109,4	106,2	101,0	101,0	103,1
Великолукская	100,7	103,9	104,4	110,4	104,5	88,3	115,8	101,2	103,0
Владимирская	89,4	66,1	102,3	106,7	107,7	76,4	100,1	104,4	99,2
Ивановская	97,2	70,1	100,0	107,9	107,2	98,6	100,5	97,9	100,7
Калининская	103,0	106,7	104,7	117,0	117,2	76,7	107,0	90,3	42,6
Калужская	87,3	63,3	99,2	99,9	101,9	89,7	100,1	101,6	98,3
Костромская	64,3	74,5	100,2	106,2	104,9	97,5	102,3	44,8	90,7
Московская	99,3	78,6	115,5	108,0	110,2	99,2	102,4	102,8	76,7

Продолжение табл. 1

Область	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Орловская	87,3	79,8	109,1	96,2	89,4	99,2	98,4	99,2	90,2
Рязанская	64,6	36,2	96,0	64,2	97,8	84,1	100,8	100,8	60,1
Смоленская	86,9	98,8	106,6	100,8	100,2	86,4	106,9	102,4	46,5
Тульская	58,3	62,2	97,2	99,4	96,5	89,2	96,0	88,8	44,6
Ярославская	98,1	84,4	101,5	111,0	104,0	85,7	103,5	102,7	100,4

Составлено по: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1307. Л. 130, 130 об.; Д. 1497. Л. 106—108; Д. 1713. Л. 5—7; Д. 2505. Л. 22, 24, 25, 31, 35, 36, 40, 51, 55, 60, 65, 72, 82; Д. 2507. Л. 2 об., 3, 3 об., 4, 4 об., 5; Д. 2559. Л. 135, 136.

В течение 1945—1953 гг. в Центральном Нечерноземье планы хлебозаготовок не были выполнены в 1945, 1946, 1948, 1950, 1952 и 1953 гг. суммарно на более чем 1,3 млн. т (табл. 2). Хозяйства, раньше других рассчитавшиеся с государством, получали «встречные планы» — дополнительные задания по сдаче хлеба. Так, в 1946 г. из 3355 колхозов Тульской области не рассчитались с государством 2551, в 1948 г. из 3398 колхозов — 1605 [78, л. 24; 81, л. 5, 35; 83, л. 84]. В 1949 г. не выполнили хлебозаготовки более 2 тыс. колхозов Калужской области (около 57%) [24, л. 10].

Таблица 2

Выполнение плановых заданий по сдаче государству хлеба областями
Центрального Нечерноземья в 1945—1953 гг., тыс. т

	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	Итого
План сдачи зерна государству	1524,1	1371,5	1628,3	1882,8	1995,3	2067,0	1908,7	1562,4	1071,3	15 011,4
Сдано	1129,8	918,2	1687,9	1774,7	2027,2	1828,5	1928,0	1558,1	796,1	13 649,0

Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1307. Л. 130, 130 об.; Д. 1497. Л. 106—108; Д. 1713. Л. 5—7; Д. 2505. Л. 22, 24, 25, 31, 35, 36, 40, 51, 55, 60, 65, 72, 82; Д. 2507. Л. 2 об., 3, 3 об., 4, 4 об., 5; Д. 2559. Л. 135, 136.

На протяжении конца 1940-х — начала 1950-х гг. урожайность зерновых в Центральном Нечерноземье ощутимо снизилась (табл. 3), а выразившиеся в плановых заданиях аппетиты государства росли и достигли пика в 1950 г. (табл. 4). С 1951 по 1953 г. планы уменьшились на 44%, но даже в этом случае они часто не выполнялись, что, понятно, заставляло власть давить на село.

Таблица 3

Средняя урожайность зерновых, пуд. с га

Область	1948	1949	1950	1951
Брянская	57	64	62	53
Великолукская	69	78	70	59
Владимирская	60	80	67	51
Ивановская	73	77	81	62
Калининская	93	199	88	74
Калужская	63	69	66	51
Костромская	72	79	73	60
Московская	82	87	86	75
Орловская	70	65	67	66
Рязанская	56	77	64	67
Смоленская	71	78	71	55
Тульская	63	61	65	60
Ярославская	85	92	86	68

Составлено по: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 2505. Л. 22, 24, 25, 31, 35, 36, 40, 51, 55, 60, 65, 72, 82.

Таблица 4

Плановые задания по сдаче государству хлеба в областях Центрального Нечерноземья в 1945—1953 гг., тыс. т

Область	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Брянская	96,9	70,7	121,1	126,6	128,7	144,6	160,0	149,7	88,0
Великолукская	18,8	25,4	34,1	39,1	44,4	47,1	31,7	18,2	16,0
Владимирская	73,7	80,3	79,7	77,9	93,5	100,1	83,1	62,4	51,2
Ивановская	66,0	70,1	72,7	75,6	82,0	95,7	87,5	49,6	56,0
Калининская	80,3	90,3	100,5	117,6	135,1	154,3	115,1	55,2	86,4
Калужская	75,9	80,9	89,9	110,5	114,6	117,7	100,7	74,4	43,2
Костромская	82,8	84,9	83,6	90,3	96,0	83,8	71,9	54,4	48,0
Московская	148,5	130,8	135,9	160,0	174,2	175,8	170,3	148,0	128,0
Орловская	190,0	64,0	224,0	306,0	311,4	320,9	356,0	303,9	209,0
Рязанская	326,4	342,4	314,6	351,4	366,4	361,4	350,7	348,0	167,9
Смоленская	80,8	96,0	94,0	120,6	129,3	131,4	89,8	70,6	83,2
Тульская	194,5	144,0	183,8	209,2	210,5	226,0	211,6	173,6	180,8
Ярославская	91,5	91,7	94,4	98,0	109,2	108,2	80,3	54,4	68,8
Итого:	1524,1	1371,5	1628,3	1882,8	1995,3	2067,0	1908,7	1562,4	1071,3

Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1497. Л. 106, 107, 108; Д. 2505. Л. 22, 24, 25, 31, 35, 36, 40, 51, 55, 60, 65, 72, 82; Д. 2507. Л. 2 об., 3, 3 об., 4, 4 об., 5; Д. 2559. Л. 135, 136.

О том, что руководство на местах не останавливалось ни перед чем в выполнении хлебозаготовительных планов, говорит статистика качества собранного зерна: значительная его часть была некондиционна по показателям влажности, сорности, зараженности вредителями. Это было особенно заметно в 1946—1947 гг. (табл. 5).

Таблица 5

Качество зерна в процентах к общему количеству его заготовок и закупок в 1946 и 1947 гг.

Область	1946		1947	
	влажного и сырого	сорного	влажного и сырого	сорного
Брянская	44,0	17,5	81,6	39,1
Великолукская	78,8	19,8	80,6	12,5
Владимирская	5,3	5,5	3,1	19,0
Ивановская	86,9	70,2	88,6	74,0
Калининская	81,8	49,3	89,0	43,6
Калужская	83,7	70,7	88,3	79,6
Костромская	29,3	22,5	19,3	24,7
Московская	—	—	—	—
Орловская	55,8	52,5	66,4	60,3
Рязанская	42,8	39,5	70,3	57,5
Смоленская	20,8	22,2	35,9	27,7
Тульская	85,8	70,0	84,1	73,4
Ярославская	60,8	26,2	61,1	25,7

Составлено по: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1713. Л. 34, 34 об., 35, 35 об.

Такое же положение сохранялось и в начале 1950-х гг. Органами милиции Рязанской области в декабре 1949 — январе 1950 г. было проверено 4818 складов с зерном в 48 рай-

онах области. 202 из них оказались непригодными для хранения зерна, в том числе 145 в колхозах. Хранилища зерна в колхозах часто размещались в кое-как приспособленных помещениях, представляя собой деревянные постройки с соломенными крышами, через щели в стенах и полах которых зерно высыпалось, подвергалось воздействию осадков и порче, расклеивалось птицами. В 169 случаях склады с зерном ночью не охранялись [39, л. 28, 28 об., 29, 29 об., 30]. Управляющий Рязанской областной конторой «Заготзерно» Герасимов систематически занижал в отчетности количество испорченного и греющегося зерна и скрывал масштабы этого от Министерства заготовок СССР, Рязанского обкома ВКП(б) и облисполкома. Так, на 18 ноября 1950 г., согласно направленной в Москву отчетности, на пунктах «Заготзерно» в области грелась 801 т зерна и было испорчено 3571 т, а фактически оказалось — 14 868 и 5067 т соответственно [40, л. 116]. В Смоленской области в сентябре 1950 г. проверка 441 склада с зерном (большинство в колхозах и совхозах) выявила загруженность многих из них урожаем прошлых лет, часть которого была уже испорчена и грелась, непригодность многих хранилищ к приему хлеба. По фактам хищения зерна органами милиции было возбуждено 34 уголовных дела на 54 человека, изъято 1,5 т зерна [28, л. 104, 106]. Только в 4 квартале 1953 г. пункты Всесоюзного объединения «Заготзерно» в областях Центрального Нечерноземья должны были высушить 404,7 тыс. т зерна (50,8% зерна, поступившего в 1953 г.), очистить 996,0 тыс. т (125,1% поступления из урожая 1953 г.). Кроме того, на 20 декабря 1953 г. на складах находилось около 56 тыс. т зерна, зараженного мукоедом и хрушаком [65, л. 135, 136; 66, л. 1, 2; 67, л. 11, 12].

Большое количество сданного государству зерна долгое время хранилось под открытым небом, подвергалось воздействию осадков и портилось. Сигналы об этом регулярно поступали в центральные структуры власти, прессу. Из Малоярославца Калужской области писали в «Правду» о порче зерна урожая 1947 г.: «Хлеб, ссыпанный в Успенском соборе под самые своды, в настоящее время горит, и никто никаких мер не принимает...». Анонимный автор восклицал: «Мы сдали хлеб, а он на станциях лежит под открытым небом и гниет, и его ночью тайно от людей зарывают в землю. Хлеб забирают у колхозников и уничтожают. <...> Пошлите на Украину, на Дон, поезжайте по железной дороге на Сталинград и вы увидите, как уничтожают хлеб, за который так боролись...» [54, л. 109—119, 122—129]. «Колхозники с душой выполняли все заготовки, даже на трудодни ничего не дали, а начальники все зерно на станции в складе погноили. Посылали туда всех служащих ломать это зерно, оно все сторело, и ничего, а теперь начальники отсюда возят зерно и кормят кур, поросят. И улицу эту, где живут начальники, зовут свиная. Что делается: всех перебили, работников разогнали, исключили: на каждом совещании одни угрозы, ругань и обещания: снимем, под суд, в Сибирь сошлем. Народ не знает, куда деваться, бегут из колхозов, из учреждений...» [34, л. 46], — сообщали в начале 1950 г. в редакцию рязанской областной газеты «Сталинское знамя» из Желтухинского района области.

Многочисленное повторение ситуации, когда после выполнения «первой заповеди», засыпки семенного фонда и выполнения прочих отчислений ничего не оставалось на трудодни, научило деревню множеством способов задерживать и явочным порядком распределять хлеб между теми, кто его вырастил. Такое поведение деревни можно считать приспособительным по отношению к аграрной политике и реализовавшейся ее системе власти [48, с. 404—405].

Стремление придержать хлеб, особенно в первые послевоенные годы, отмечалось даже у первых секретарей райкомов ВКП(б), выражаясь в «демобилизационных» настроениях, иногда открытых заявлениях о нереальности спущенных сверху заданий, в кулу-

арных переговорах в обкомах ВКП(б) о необходимости понизить план «своему» району или же дать «встречный план» тем, кто уже выполнил свое задание. На пленуме Тульско-го обкома ВКП(б) в октябре 1945 г., посвященном заготовкам сельскохозяйственных продуктов, первый секретарь обкома Н. Чмутов заявил, что настроение «побольше оставить хлеба на свои нужды, поменьше сдать государству» проявлялось в большинстве районов, о чем, по его мнению, свидетельствовал разрыв между обмолотом и сдачей хлеба, составлявший по области 17% [76, л. 5]. Ему вторил на пленуме Калужского обкома ВКП(б) первый секретарь обкома ВКП(б) И. Попов [11, л. 144, 145].

Спустя год ситуация повторилась. На 5 октября 1946 г., по подсчетам уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Тульской области, колхозы и совхозы обмолотили урожай с 87,2% площади посева, а государству сдали лишь 50,4% плана. По этим же подсчетам, при видовой оценке урожайности в среднем 5 ц с га в колхозах и совхозах должно было находиться около 215,1 тыс. т хлеба. Проверка сельхозартелей Воловского района выявила 3500 ц зерна, сдача которого тормозилась под разными предлогами [76, л. 146—147, 151]. То же самое происходило и в 1948 г. [82, л. 85].

Другим распространенным способом оставить в районе хоть часть хлеба, а также избежать санкций за невыполнение хлебозаготовок становились приписки — сознательное искажение официальной отчетно-плановой документации. Приписки выполнения хода уборочных работ были столь распространены, что вырастали в проблему не только районного, но и областного и даже республиканского масштаба. Так, при разбирательстве по печально известному «рязанскому делу» в Бюро ЦК КПСС по РСФСР 3 декабря 1960 г. начальник Рязанского статуправления Г. Строгов сообщил, что с приписками в области он столкнулся еще в 1947 г., когда только приступил к работе, однако сразу же был грубо прерван допрашивавшим его А. Аристовым, опасавшимся, как видно, раскрытия истинной истории и масштабов очковтирательства [51, с. 289].

На уровне правления колхоза стремление «защитить» свою часть урожая проявлялось с самого начала хлебозаготовок, с введения «вредной очередности» в уборке и сдаче хлеба — последовательного ведения работ и уборки разных зерновых культур, когда «заявившись картошкой, забывали о хлебе» [75, л. 14]. Часто такой порядок работ устанавливался с молчаливого согласия районного руководства.

«Вредная очередность», приводившая к огромным потерям зерна из-за его осыпания, ухода под снег, осознавалась региональной властью как «саботаж», умышленное затягивание сроков уборки и заготовки хлеба. Некоторые председатели сознательно шли на это, чтобы притормозить заданный сверху темп уборки и сдачи хлеба, дожидаясь выполнения плана передовыми хозяйствами.

С санкции колхозного руководства много зерна могло быть оставлено в стерне и мякине. В колхозе «Красный рыбак» Людиновского района Калужской области при уборке урожая 1945 г. председатель распорядился не вымолачивать половину зерна. Секретарь МК ВКП(б) Б. Черноусов, присутствовавший на пленуме Калужского обкома ВКП(б) 30 октября 1945 г., обсуждавшем невыполнение областью плана хлебозаготовок, говорил собравшимся: «Много в молотье может быть элементов саботажа, то пытался здесь искать тов. Бокарев <первый секретарь Мещовского РК ВКП(б)>, который все ищет: в одном месте саботажника поймает, вытащит, <а он> в другом покажется. Как зверька ищут этих саботажников. Вот именно в молотье видны эти элементы саботажа, заключающиеся в том, что некоторые колхозники рассуждают так: можно подождать с молотью, намолотить зимой, а потом, может быть, спишут. Такие факты имеют место, когда списывают и рассчитывают на это, стараются придержать хлеб...» [11, л. 105, 133].

Умудренные опытом председатели колхозов прекрасно понимали, что не отправленное государству зерно будет какое-то время находиться в колхозном амбаре под сохранной распиской или же осядет неподалеку — в глубинном пункте «Заготзерно», часто представлявшем собой пустующее церковное здание, школу, избу-читальню или сельский клуб. Все это создавало массу возможностей для покушений на него. Известно было и то, что после выполнения регионом плана хлебозаготовок часть хлеба будет направлена обратно в виде семенных и продовольственных ссуд: ведь деревня должна была продолжать выполнять планы.

Многие колхозы в первые послевоенные годы не имели налаженного зерносушильного и складского хозяйства. При отсутствии овинов и риг председатели раздавали сушить колхозные снопы по избам колхозников. Часть урожая оседала, таким образом, на подворьях.

Другим способом задержать хлеб в колхозе, доступным председателю, было занижение сортности, завышение сорности и влажности зерна, подлежащего сдаче, выполнение плана малоценными или кормовыми культурами, многократное завышение урожайности на семенных участках за счет общих посевов, как это было в 1948 г. во многих колхозах Мещовского района Калужской области [14, л. 54]. Из Мосальского района области анонимный автор писал весной 1952 г. в Совет по делам колхозов при СМ СССР о том, что в районе с 1942 г. почти не выдают хлеба на трудодни, из-за чего «получилось паническое бегство из колхозов». Районные власти ежегодно выгребали все зерно: «Весной отбивают участки под семенные фонды, остолбляют, составляют акты, а осенью в период сдачи государственных поставок зерна государству не считаются с семенными фондами, все сдают на ссыпные пункты и элеваторы, а весной из-за отсутствия семян тысячи тонн из пунктов и элеваторов везут в колхозы для посева...» [16, л. 85].

Законодательство об уборке урожая предусматривало выделение на авансирование колхозников до 15% зерна от сданного государству, но при условии, что план поставки хлеба государству выполнен. На деле председатели часто нарушали это правило, начиная распределять хлеб на трудодни до того, как закончены расчеты с государством, справедливо полагая, что после их окончания распределять будет нечего.

Было немало случаев, когда правления колхозов распорядились прятать некоторое количество хлеба для раздачи на трудодни. С молчаливого одобрения деревни хищением это не считалось. Так, в колхозе «Коммунистическое знамя» Клетнянского района более 4,2 т хлеба было роздано колхозникам ночью. Списки, по которым происходила раздача, председатель колхоза и председатель ревизионной комиссии хотели спрятать. В колхозе «15 год Октября» Жирятинского района Брянской области председатель колхоза и другие должностные лица укрыли 8 т хлеба, 4 т которого раздали на трудодни, а остальной закопали. В колхозе «Рассвет» Износковского района правление совместно с работниками МТС спрятало 3,8 т хлеба, часть которого выдала на трудодни. В колхозе «Красный партизан» Дугнинского района Калужской области председатель и кладовщик спрятали 7,9 т ржи и 1,3 т пшеницы, рожь без учета раздавали колхозникам котомками [7, л. 7, 11; 21, л. 4; 22, л. 47 об. — 48].

Правление колхоза, располагая подчас крупными суммами наличных денег, могло направить их на приобретение у работников заготовительных структур «бестоварных квитанций» — фиктивных документов о сдаче государству определенного количества зерна. Заготовители и работники МТС укрывали возникавшие недостатки, завышая процент влажности или сорности принимаемого зерна и занижая при отгрузке, недогружали его в вагоны и т.д. Укрытое от государства зерно часто распределялось между колхозниками без всяких ведомостей и учета выработанных трудодней, оседало у имевших доступ к

его транспортировке и охране. Размеры недостач, главным образом от таких «операций», составили в 1945—1949 гг. по Брянской областной конторе «Заготзерно» 2546,1 т зерна. По Тульской областной конторе «Заготзерно» в 1945—1946 гг. была выявлена недостача 113,7 т хлебопродуктов, на 1 июля 1947 г. она составила 1535,7 т. Проведенная в сентябре 1949 г. инвентаризация складов вновь обнаружила недостачу 400 т зерна. В Калужской области осенью 1946 г. заведующий складом пункта «Заготзерно» продал представителям пяти колхозов фиктивные анализные ордера, якобы удостоверявшие сдачу 10,3 т овса, 1,0 т вики, 1 ц ржи на сумму 81 602 руб. Только в августе-декабре 1946 г. за подобные преступления в регионе было привлечено к уголовной ответственности 126 человек, в числе которых — 3 директора пунктов «Заготзерно», 29 заведующих глубинными пунктами и складами [6, л. 87 об., 92; 80, л. 91].

Распространенным способом хоть что-то распределить на трудодни была организация в колхозе так называемого «общественного питания». Формально оно считалось платным, однако на деле часто превращалось в завуалированную форму гарантированной оплаты труда колхозников. Традиционно из хлеба нового урожая вырабатывался самогон к общеколхозному застолью по распоряжению председателей.

Формой распределения заработанного на трудодни явочным порядком можно считать индивидуальные или мелкогрупповые хищения зерна с поля, токов, при его транспортировке и перегрузке, из колхозных и государственных зернохранилищ. «У нас имеется большое количество хищений и в разной форме они проявляются, воруют и в черные бутылки, специально обуваются в валенки, хлеб воруют пудами, мешками и в отдельных случаях — возами...», — утверждал прокурор Калужской области В. Перов на пленуме Калужского обкома партии в сентябре 1946 г. [12, л. 89]. В Рязанской области в июле — октябре 1946 г. к уголовной ответственности за хищения урожая было привлечено 701 чел., в том числе 38 председателей колхозов, 206 представителей колхозной администрации и имевших доступ к зерну, 336 рядовых колхозников, 65 работников МТС, 9 работников «Заготзерна», похитивших в общей сложности 43,8 т зерна и 667 снопов. В июле — октябре 1949 г. в области было привлечено к уголовной ответственности за хищение урожая 529 чел., в том числе 288 рядовых колхозников (подсчитано по: [28, л. 105, 106; 36, л. 198; 37, л. 2]). В Смоленской области за 1953 г. по возбужденным милицией уголовным делам было установлено хищение 15,7 т хлеба, изъято у колхозников и возвращено колхозам 13,3 т. Кроме того, было выявлено укрытого от учета 42,7 т хлеба [29, л. 8]. Большинство похищавших хлеб были рядовыми колхозниками, а размер похищенного часто не превышал нескольких килограммов.

В послевоенные годы повторялись способы хищения зерна, распространенные в голодном 1932 г. Так, в Износковском районе Калужской области бригадир колхоза им. Ленина с дочерью по ночам стригли колосья [12, л. 131]. Народный суд Жиздринского района Калужской области осудил за это двух колхозников на 5 лет ИТЛ. Судебная коллегия Калужского областного суда оставила в силе приговор народного суда Спас-Деменского района, осудившего на тот же срок мать грудного ребенка за 125 г колосьев, срезанных ею на колхозном поле [22, л. 53 об., 54]. В колхозе «Кооператор» Лебедянского района Рязанской области 15 июля 1949 г. была задержана колхозница И. Пупынина, которая настригла на колхозном поле 500 г ржи. 21 июля ее осудили на срок 5 лет. В колхозе им. Хрущева Пителинского района была задержана 50-летняя колхозница А. Нестерова, у которой было изъято 600 г ржи, которую она намяла руками, работая на жатве. 21 июля она также была осуждена на 5 лет [39, л. 32, 33]. Много подобных случаев было в колхозах Смоленской области [28, л. 107—108].

Отношение на селе к совершившим такие кражи было двойственным. С одной стороны, большинство подобных случаев становилось известным представителям власти благодаря должностным лицам колхозов и самим колхозникам — тем, кто формально и должен был «сигнализировать» об этом власти. Это обстоятельство отражало разные представления деревни о справедливом распределении урожая и достаточно высокий ее внутренний конфликтный потенциал. Так, большинство населения явно неодобрительно относилось к председателям колхозов, членам правлений, председателям ревизионных комиссий, кладовщикам и сторожам, которые втайне стремились набить свой карман.

Похищавших несколько килограммов колхозного хлеба правления колхозов нередко предпочитали судить и наказывать в соответствии с собственными представлениями о справедливости. Кладовщицу колхоза «Обновленный путь» Угодско-Заводского района Калужской области, взявшую 45 кг овса, правление осудило на год исправительных работ в колхозе с удержанием 25% заработанного. Свое решение правленцы объяснили тем, что «если мы передадим дело в суд, то ее посадят». Правление колхоза «Победа» Стодолиценского района Смоленской области оштрафовало на 64 кг зерна сторожа молотильного тока и «присудило» в пользу колхоза по 48 кг с двух колхозников за хищение с тока 32 кг зерна. За 10 месяцев 1953 г. органами прокуратуры области было опротестовано 595 подобных решений [23, л. 145; 33, л. 122, 123]. Органы прокуратуры Калужской области в 1948 г. принесли 517 протестов на незаконные решения правлений и сделали 204 представления, в 1953 г. — 1061 протест и 260 представлений соответственно [18, л. 129, 200; 19, л. 28; 20, л. 51].

Отсутствие выдач хлеба на трудодни в родном колхозе толкало людей на его поиски за пределами области. В 1945—1946 гг. активизировалось мешочничество. Только в течение марта 1946 г. на Западной железной дороге органами дорожной милиции с пассажирских и товарных поездов был снят 7281 мешочник, направляющийся за хлебом в Литву, Латвию и Западную Белоруссию, изъято 45,8 т хлеба. Большинство задержанных были колхозниками и единоличниками Ржевского, Куньинского, Оленинского и других районов Калининской области, предъявлявшими при задержании справки райисполкомов, сельсоветов, колхозов, якобы дававшие право на проезд и провоз зерна по железной дороге. Только за 10 дней марта 1945 г. на станции Кричев милицией Белорусской железной дороги было снято с поездов 580 чел., едущих из Смоленской и Калужской областей в западные области БССР за мукой, зерном, мясом и другими продуктами. Многие задержанные имели при себе командировки и справки сельсоветов, райисполкомов и даже органов НКВД, разрешающие проезд в Белоруссию по железной дороге [25, л. 59, 59 об.; 71, л. 142].

Случаи открытого сопротивления хлебозаготовкам были относительно редки, но иногда у председателей колхозов и колхозников не выдерживали нервы и тогда представителям власти открыто говорили то, о чем обычно предпочитали молчать. Осенью 1946 г. председатель колхоза «Сознание» Мосальского района Калужской области допустила перерасход зерна на внутривозвратные нужды сверх 15% от сданного государству, в том числе более 3,5 т раздала на трудодни. Счетовод колхоза заявила уполномоченным, прибывшим вывозить сверхплановое зерно, что «дополнительный план хлебосдачи дан незаконно», колхозники его выполнять не будут, а представители района хотят «огрбить колхоз и оставить колхозников голодными». При попытке председателя все же начать отгрузку зерна одна из колхозниц сняла с ноги рваный сапог и, показывая его присутствующим, «выкрикивала контрреволюционные лозунги, возбуждая тем самым колхозников воспрепятствовать отправке зерна в счет госпоставок...» [17, л. 162, 162 об.]. В Демидовском районе Смоленской области один из председателей колхозов, член ВКП(б), отка-

зался принимать обязательство на поставку хлеба государству из урожая 1945 г., хлеб не сдавал, за что был исключен из партии и предан суду [25, л. 177].

Куда чаще деревня выражала свои мысли по поводу хлебозаготовок в многочисленных письмах, адресованных вождям, органам власти, в редакции газет. Авторы большинства из них были вполне лояльны и недоумевали по поводу выгребания хлеба у тех, кто его вырастил, видя причину этого не в аграрной политике центра, а в «неправильном руководстве» и злоупотреблениях местных начальников. Из Выходского района Смоленской области анонимный автор сообщал в ЦК ВКП(б) осенью 1948 г.: «Наши колхозники живут в очень трудных условиях. Они за послевоенные годы на трудодни не получают ни одного грамма хлеба, и это вызвано тем, что руководство района стремится получать премии, а колхозы остаются без семян...» [25, л. 186]. Колхозник Иванов из сельхозартели «Знамя Ленина» Орловской области писал секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову летом 1950 г.: «Работаем честно, как и воевали, но одно плохо: уберем урожай — и получать нечего, так как ничего нам не остается и приходится голодать весь год без хлеба. Это продолжается все годы после освобождения Орловщины, но у меня напрашивается вопрос: когда же мы все же будем кушать хлеб, так как все же мы живые люди и хотим так же кушать, как и другие. Наше начальство, как в облисполкоме, а также в обкоме о нас, тружениках, не хочет и думать, а лишь бы себе побольше наложить и набить карманы и построить дачи...» [32, л. 2].

«Колхозники Ново-Карельского района мечтают лишь о том, чтобы круглый год есть чистый ржаной хлеб без всяких примесей. А примеси, такие как картофель, жмыхи, отруби и др., употребляются в хлебе в изрядных пропорциях. Если колхозник мечтает из года в год о том, чтобы у него был круглый год чистый ржаной хлеб без всяких примесей, а другие заботы отходят на задний план, то я утверждаю, что это уже нищета. Этого нельзя было бы сказать в том случае, если такое положение было бы год-два, но ведь это длится больше десяти лет, и чем дальше — тем хуже... <...> Я как коммунист не могу понять такого положения, когда рядом с самой крупной и передовой в мире социалистической промышленностью, рядом с великими стройками коммунизма, рядом с передовым сельским хозяйством имеются колхозы, которые даже не всегда полностью выполняют госпоставки...», — размышлял в начале 1950-х гг. в своем письме в Совет по делам колхозов В. Волков о жизни и труде колхозников Ново-Карельского района Калининской области [57, л. 36, 37]. «В Гаврилово-Посадском районе Ивановской области РК ВКП(б) вынуждает колхозы и председателей колхозов везти хлеб, потому что многие колхозы района план не выполнили... <...> Где же правда, где же слова, что после выполнения госпоставок колхозники распоряжаются, согласно Уставу, всеми доходами? Когда же это будет? У колхозников последние силы и надежды на получение заработка в колхозе падают...», — писал в Совет по делам колхозов член правления колхоза им. Фрунзе этого района Акимов в конце 1951 г. Ивановский обком ВКП(б) сообщил Совету, что колхоз «по тоннажу» план хлебозаготовок 1951 г. перевыполнил, но с учетом ценности сданных культур при пересчете райуполминзагом остался должен государству 307 ц зерна, что «создало видимость» сверхплановой сдачи. После «разъяснений» правлению колхоза оно «никаких претензий по выполнению плана хлебозаготовок в 1951 году не имеет» [56, л. 62, 65]. В письме первому секретарю Рязанского обкома КПСС А. Н. Ларионову анонимный автор в январе 1953 г. сообщал о нежелании колхозников работать «не евши» и массовых хищениях: «А что творится в колхозах: полная распущенность и грабильность на селе, начинается она с председателей, идет до низов. <...> В колхозах живут кому как за-

хочется, начальство района в колхозах не бывает, не интересуется, а кое-каких председателей колхозники посылают куда подальше и делают, что для себя нужно...» [35, л. 174].

Главным осязаемым итогом хлебозаготовительных кампаний середины 1940-х — начала 1950-х гг. можно считать изъятие из села Центрального Нечерноземья огромного количества зерна. Однако для власти это была пиррова победа. Региональный и районный чиновничий аппарат, действуя «хозяйственно-политическими» кампаниями, главнейшей из которых были хлебозаготовки, запускал прочие направления своей работы, погрязал в бюрократизме. Штурмовщина становилась универсальным средством решения любых проблем. «Победа любой ценой» в хлебозаготовках приводила к расточительной трате человеческих, управленческих и материальных ресурсов. Кроме того, напрягая все силы в стремлении выполнить непосильные планы, региональная власть сама подталкивала деревню к постоянному совершенствованию приспособительного поведения, противостоящего централизованному административному нажиму и армии уполномоченных. Конечно, большинство сельских жителей прекрасно понимало, что им не под силу изменить аграрную политику и колхозный строй, и не помышляло об этом. Отстаивая свое понимание социальной справедливости в форме ежегодной изнурительной и для чиновников борьбы за хлеб, они приспособили колхозные порядки и реалии хлебозаготовительной политики под потребности своего выживания, сделали их не такими эффективными, как хотелось бы власти.

Список использованных источников и литературы

1. Агарев А. Ф. Трагическая авантюра. Сельское хозяйство и крестьянство Рязанской области 1937—1970 гг. Документы, события, факты. Рязань, 2010.
2. Безнин М. А., Димони Т. М. Повинности российских колхозников в 1930—1960-е гг. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96—111.
3. Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81—99.
4. Вавулинская Л. И. Колхозное крестьянство и государственная политика в середине 1940-х — конце 1950-х годов (на материалах Карелии). Петрозаводск, 2010.
5. Волков И. М. Деревня СССР в 1945—1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х — 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 115—124.
6. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. Р-2416. Оп. 1а. Д. 82.
7. ГАБО. Ф. Р-2416. Оп. 2а. Д. 3.
8. ГАБО. Ф. Р-2416. Оп. 2а. Д. 38.
9. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. 27. Оп. 22. Д. 71.
10. ГАДНИКО. Ф. 27. Оп. 24. Д. 68.
11. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 68.
12. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 190.
13. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 468.
14. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 589.
15. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8. Д. 1026.
16. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9. Д. 54.
17. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 9.
18. ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 12.
19. ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 17.
20. ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 30.
21. ГАКО. Ф. Р-3500. Оп. 2. Д. 9.
22. ГАКО. Ф. Р-3500. Оп. 2. Д. 18.
23. ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 16. Д. 67.
24. ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 17. Д. 242.
25. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1845.
26. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 594.

27. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 826.
28. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1086.
29. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 51.
30. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. П-52. Оп. 2. Д. 1074.
31. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 3. Д. 75.
32. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 207.
33. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-461. Оп. 10. Д. 67.
34. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. П-3. Оп. 3. Д. 859.
35. ГАРО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 822.
36. ГАРО. Ф. Р-3251. Оп. 9. Д. 198.
37. ГАРО. Ф. Р-3251. Оп. 9. Д. 200.
38. ГАРО. Ф. Р-3251. Оп. 9. Д. 272.
39. ГАРО. Ф. Р-3251. Оп. 9. Д. 273.
40. ГАРО. Ф. Р-3251. Оп. 9. Д. 317.
41. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия / отв. ред. В. П. Дмитриенко. М., 1996.
42. Кондрашин В. В. Голод 1946—1947 гг. в России и Украине: общее и особенное // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1. С. 130—137.
43. Корнилов Г. Е. Бедность как образ жизни: уральская деревня в военные и послевоенные годы (1941—1953) // Уральский исторический вестник. 2013. № 3. С. 91—98.
44. Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни. Из истории переселенческих колхозов Калининградской области 1946—1953 гг. М., 2015.
45. Костяшов Ю. В. Стратегии выживания послевоенного колхозного крестьянства: из истории повседневности переселенческих колхозов Калининградской области, 1946—1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945—1953 гг. : материалы VII Междунар. науч. конф. Тверь, 4—6 дек. 2014 г. М., 2015. С. 148—156.
46. Лапердин В. Б. Последствия голода 1946—1947 гг. в Омской области // Гуманитарные науки Сибири. 2013. № 4. С. 38—42.
47. Лосева И. В. Кризис продовольственного снабжения 1946—1947 годов в Горьковской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37 (175). История. Вып. 36. С. 120—123.
48. Осокина Е. А. О социальном иммунитете, или Критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного сопротивления) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : материалы междунар. науч. конф. Москва, 5—7 дек. 2008 г. М., 2008. С. 387—406.
49. Попов В. П. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1945—1953). 2-е изд., испр. М., 2002.
50. Попов В. П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 49—66.
51. Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты / сост. О. В. Хлевнюк [и др.]. М., 2009.
52. Репинецкий А. И. «Никому мы не нужны»: голод 1946—1947 гг. в Куйбышевской (Самарской) области // Самарский научный вестник. 2014. № 4 (9). С. 106—109.
53. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 15. Д. 432.
54. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 227.
55. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 22. Д. 5.
56. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9476. Оп. 1. Д. 318.
57. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 499.
58. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1151.
59. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1307.
60. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1497.
61. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1713.
62. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 2505.
63. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 2506.
64. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 2507.
65. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 2559.
66. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 2566.
67. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 2567.
68. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 147. Оп. 3. Д. 2749.

69. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2779.
 70. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2783.
 71. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 4. Д. 66.
 72. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 4. Д. 67.
 73. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 5. Д. 1178.
 74. Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 — март 1953 г.). Оренбург, 2003.
 75. Центр документов новейшей истории Государственного архива Ярославской области. Ф. 272. Оп. 226. Д. 553.
 76. Центр новейшей истории Тульской области (ЦНИТО). Ф. 177. Оп. 11. Д. 3.
 77. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 11. Д. 4.
 78. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 12. Д. 27.
 79. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 13. Д. 40.
 80. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 14. Д. 6.
 81. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 14. Д. 11.
 82. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 16. Д. 10.
 83. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 17. Д. 3.
 84. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 19. Д. 3.
 85. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 19. Д. 6.
 86. Шалак А. В. Голод в 1940-е гг.: оценка масштабов и социальная география (на примере Восточной Сибири) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2010. С. 122—133.
 87. Шалак А. В. Система обязательных поставок и проблема стимулирования колхозного труда в 1940-е гг. // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15, № 2. С. 285—308.

Поступила в редакцию 22.03.2018

Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент
 Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
 Российская Федерация, 248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, 26
 E-mail: kometchikov.igor@mail.ru

UDK 94(47)“194/195”

I. V. Kometchikov

The regional government and the countryside of Central Nonblack Soil Zone in the grain procurement campaigns in 1945—1953

The article is dedicated to the relations between the provincial government and the countryside of Central Nonblack Soil Zone in the grain procurement campaigns in 1945—1953. On the basis of the statistics, the record keeping books, the letters of the villagers addressed to the government, taken from federal and regional archives, the author studied the ways of carrying, the dynamics, the results of the grain procurement campaigns, as well as the opposing system of the adaptive behavior of the villagers, which was aimed at getting at least a part of the harvest. There has been made a conclusion about a controversial result of the grain procurement campaigns. On the one hand they let the State harvest more than 13,6 million ton of grain. On the other hand they led to the waste of human, administrative and material resources, made the villagers improve the adaptive behavior, which destroyed the motivation to work on land.

Key words: grain procurement, peasant duties, collective farm village, strategies of peasant survival, Central Nonblack Soil Zone, emergency methods of the government.

Kometchikov Igor Vyacheslavovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
 Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky
 Russian Federation, 248023, Kaluga, ul. Stepana Razina, 26
 E-mail: kometchikov.igor@mail.ru

References

1. Agarev A. F. *Tragicheskaya avantyura. Sel'skoe khozyaistvo i krest'yanstvo Ryazanskoi oblasti 1937—1970 gg. Dokumenty, sobytiya, fakty* [A tragic adventure. Agriculture and the peasantry of the Ryazan region 1937—1970. Documents, events, facts]. Ryazan, 2010. (In Russian)
2. Beznin M. A., Dimoni T. M. Povinnosti rossiiskikh kolkhoznikov v 1930—1960-e gg. [Obligations of the Russian collective farmers in the 1930s—1960s]. *Otechestvennaya istoriya*, 2002, no. 2, pp. 96—111. (In Russian)
3. Beznin M. A., Dimoni T. M. Sotsial'nyi protest kolkhoznogo krest'yanstva (vtoraya polovina 1940-kh — 1960-e gg.) [Social protest of the collective-farm peasantry (second half of the 1940s—1960s)]. *Otechestvennaya istoriya*, 1999, no. 3, pp. 81—99. (In Russian)
4. Vavulinskaya L. I. *Kolkhoznoe krest'yanstvo i gosudarstvennaya politika v seredine 1940-kh — kontse 1950-kh godov (na materialakh Karelii)* [The collective farm peasantry and state policy in the mid-1940s — late 1950s (based on materials from Karelia)]. Petrozavodsk, 2010. (In Russian)
5. Volkov I. M. Derevnya SSSR v 1945—1953 godakh v noveishikh issledovaniyakh istorikov (konets 1980-kh — 1990-e gody) [The village of the USSR in 1945—1953 in the latest research of historians (late 1980s — 1990s)]. *Otechestvennaya istoriya*, 2000, no. 6, pp. 115—124. (In Russian)
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Bryanskoi oblasti* [State Archives of the Bryansk Region] (GABO). F. R-2416. Op. 1a. D. 82.
7. GABO. F. R-2416. Op. 2a. D. 3.
8. GABO. F. R-2416. Op. 2a. D. 38.
9. *Gosudarstvennyi arkhiv dokumentov noveishei istorii Kaluzhskoi oblasti* [State Archive of Documents of the Contemporary History of the Kaluga Region] (GADNIKO). F. 27. Op. 22. D. 71.
10. GADNIKO. F. 27. Op. 24. D. 68.
11. GADNIKO. F. 55. Op. 8. D. 68.
12. GADNIKO. F. 55. Op. 8. D. 190.
13. GADNIKO. F. 55. Op. 8. D. 468.
14. GADNIKO. F. 55. Op. 8. D. 589.
15. GADNIKO. F. 55. Op. 8. D. 1026.
16. GADNIKO. F. 55. Op. 9. D. 54.
17. *Gosudarstvennyi arkhiv Kaluzhskoi oblasti* [State Archives of the Kaluga Region] (GAKO). F. R-1626. Op. 2. D. 9.
18. GAKO. F. R-1626. Op. 2. D. 12.
19. GAKO. F. R-1626. Op. 2. D. 17.
20. GAKO. F. R-1626. Op. 2. D. 30.
21. GAKO. F. R-3500. Op. 2. D. 9.
22. GAKO. F. R-3500. Op. 2. D. 18.
23. GAKO. F. R-883. Op. 16. D. 67.
24. GAKO. F. R-883. Op. 17. D. 242.
25. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Smolenskoi oblasti* [State Archive of Modern History of the Smolensk Region] (GANISO). F. 6. Op. 1. D. 1845.
26. GANISO. F. 6. Op. 2. D. 594.
27. GANISO. F. 6. Op. 2. D. 826.
28. GANISO. F. 6. Op. 2. D. 1086.
29. GANISO. F. 6. Op. 3. D. 51.
30. *Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti* [State Archives of Orel Region] (GAOO). F. P-52. Op. 2. D. 1074.
31. GAOO. F. P-52. Op. 3. D. 75.
32. GAOO. F. P-52. Op. 5. D. 207.
33. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. A-461. Op. 10. D. 67.
34. *Gosudarstvennyi arkhiv Ryazanskoi oblasti* [State Archive of the Ryazan Region] (GARO). F. P-3. Op. 3. D. 859.
35. GARO. F. P-3. Op. 4. D. 822.
36. GARO. F. R-3251. Op. 9. D. 198.
37. GARO. F. R-3251. Op. 9. D. 200.
38. GARO. F. R-3251. Op. 9. D. 272.
39. GARO. F. R-3251. Op. 9. D. 273.
40. GARO. F. R-3251. Op. 9. D. 317.

41. Zima V. F. *Golod v SSSR 1946—1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviya* [The famine in the USSR in 1946—1947: the origin and consequences]. Moscow, 1996. (In Russian)
42. Kondrashin V. V. *Golod 1946—1947 gg. v Rossii i Ukraine: obshchee i osobennoe* [The famine of 1946—1947 in Russia and Ukraine: the general and the special]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy*, 2012, no. 1, pp. 130—137. (In Russian)
43. Kornilov G. E. *Bednost' kak obraz zhizni: ural'skaya derevnya v voennye i poslevoennye gody (1941—1953)* [Poverty as a way of life: the Ural village in the military and postwar years (1941—1953)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2013, no. 3, pp. 91—98. (In Russian)
44. Kostyashov Yu. V. *Povsednevnost' poslevoennoi derevni. Iz istorii pereselencheskikh kolkhozov Kaliningradskoi oblasti 1946—1953 gg.* [The daily life of the postwar village. From the history of the resettlement collective farms of the Kaliningrad region 1946—1953]. Moscow, 2015. (In Russian)
45. Kostyashov Yu. V. *Strategii vyzhivaniya poslevoennogo kolkhoznogo krest'yanstva: iz istorii povsednevnosti pereselencheskikh kolkhozov Kaliningradskoi oblasti, 1946—1953 gg.* [Strategies for the survival of the postwar collective farm peasantry: from the history of the daily life of the resettlement collective farms in the Kaliningrad region, 1946—1953]. *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945—1953 gg.: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. Tver', 4—6 dek. 2014 g.* [Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945—1953: materials of VII Intern. sci. conf. Tver, 4—6 December 2014]. Moscow, 2015, pp. 148—156. (In Russian)
46. Laperdin V. B. *Posledstviya goloda 1946—1947 gg. v Omskoi oblasti* [The consequences of the famine of 1946—1947 in the Omsk region]. *Gumanitarnye nauki Sibiri*, 2013, no. 4, pp. 38—42. (In Russian)
47. Loseva I. V. *Krizis prodovol'stvennogo snabzheniya 1946—1947 godov v Gor'kovskoi oblasti* [The crisis of food supply in 1946—1947 in the Gorky region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 37 (175), pp. 120—123. (In Russian)
48. Osokina E. A. *O sotsial'nom immunitete, ili Kriticheskii vzglyad na kontseptsiyu passivnogo (povsednevnogo soprotivleniya)* [On social immunity, or Critical view on the concept of the passive (everyday resistance)]. *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya: materialy mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 5—7 dek. 2008 g.* [History of Stalinism: results and problems of study: materials of the internat. sci. conf. Moscow, 5—7 December 2008]. Moscow, 2008, pp. 387—406. (In Russian)
49. Popov V. P. *Stalin i problemy ekonomicheskoi politiki posle Otechestvennoi voiny (1945—1953). 2-e izd., ispr.* [Stalin and the problems of economic policy after the Patriotic War (1945—1953). 2nd ed., rev.]. Moscow, 2002. (In Russian)
50. Popov V. P. *Khleb kak ob"ekt gosudarstvennoi politiki v SSSR v 1940-e gody* [Bread as an object of state policy in the USSR in the 1940s]. *Otechestvennaya istoriya*, 2000, no. 2, pp. 49—66. (In Russian)
51. *Regional'naya politika N. S. Khrushcheva. TsK KPSS i mestnye partiinnye komitety* [Regional policy of N. S. Khrushchev. The Central Committee of the CPSU and local party committees]. Moscow, 2009. (In Russian)
52. Repinetskii A. I. *"Nikomu my ne nuzhny": golod 1946—1947 gg. v Kuibyshevskoi (Samarskoi) oblasti* ["We do not need anyone": the famine of 1946—1947 in the Kuibyshev (Samara) region]. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2014, no. 4 (9), pp. 106—109. (In Russian)
53. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii* [Russian State Archive of Recent History]. F. 5. Op. 15. D. 432.
54. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Social and Political History] (RGASPI). F. 17. Op. 122. D. 227.
55. RGASPI. F. 556. Op. 22. D. 5.
56. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics] (RGAE). F. 9476. Op. 1. D. 318.
57. RGAE. F. 9476. Op. 1. D. 499.
58. RGAE. F. 9476. Op. 1. D. 1151.
59. RGAE. F. 8040. Op. 3. D. 1307.
60. RGAE. F. 8040. Op. 3. D. 1497.
61. RGAE. F. 8040. Op. 3. D. 1713.
62. RGAE. F. 8040. Op. 3. D. 2505.
63. RGAE. F. 8040. Op. 3. D. 2506.
64. RGAE. F. 8040. Op. 3. D. 2507.
65. RGAE. F. 8040. Op. 3. D. 2559.
66. RGAE. F. 8040. Op. 3. D. 2566.
67. RGAE. F. 8040. Op. 3. D. 2567.
68. *Tverskoi tsentr dokumentatsii noveishei istorii* [Tver Documentation Center for Contemporary History] (TTsDNI). F. 147. Op. 3. D. 2749.

69. TTsDNI. F. 147. Op. 3. D. 2779.
 70. TTsDNI. F. 147. Op. 3. D. 2783.
 71. TTsDNI. F. 147. Op. 4. D. 66.
 72. TTsDNI. F. 147. Op. 4. D. 67.
 73. TTsDNI. F. 147. Op. 5. D. 1178.
 74. Khisamutdinova R. R. *Agrarnaya politika Sovetskogo gosudarstva na Urale posle okonchaniya Velikoi Otechestvennoi voiny (iyun' 1945 — mart 1953 g.)* [The agrarian policy of the Soviet state in the Urals after the end of the Great Patriotic War (June 1945 — March 1953)]. Orenburg, 2003. (In Russian)
 75. *Tsentr dokumentov noveishei istorii Gosudarstvennogo arkhiva Yaroslavskoi oblasti* [Center for Documents of the Modern History of the State Archive of the Yaroslavl Region]. F. 272. Op. 226. D. 553.
 76. *Tsentr noveishei istorii Tul'skoi oblasti* [Center for Contemporary History of the Tula Region] (TsNITO). F. 177. Op. 11. D. 3.
 77. TsNITO. F. 177. Op. 11. D. 4.
 78. TsNITO. F. 177. Op. 12. D. 27.
 79. TsNITO. F. 177. Op. 13. D. 40.
 80. TsNITO. F. 177. Op. 14. D. 6.
 81. TsNITO. F. 177. Op. 14. D. 11.
 82. TsNITO. F. 177. Op. 16. D. 10.
 83. TsNITO. F. 177. Op. 17. D. 3.
 84. TsNITO. F. 177. Op. 19. D. 3.
 85. TsNITO. F. 177. Op. 19. D. 6.
 86. Shalak A. V. Golod v 1940-e gg.: otsenka masshtabov i sotsial'naya geografiya (na primere Vostochnoi Sibiri) [Hunger in the 1940s: scale assessment and social geography (on the example of Eastern Siberia)]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*, 2010, pp. 122—133. (In Russian)
 87. Shalak A. V. Sistema obyazatel'nykh postavok i problema stimulirovaniya kolhoznoho truda v 1940-e gg. [The system of mandatory supplies and the problem of stimulating collective farm labor in the 1940s]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2014, vol. 15, no. 2, pp. 285—308. (In Russian)